

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОДНОМ ИЗ ГЛАВНЫХ МИФИЧЕСКИХ КУЛЬТОВ В КИТАЕ

**Куклина Анастасия Сергеевна,
Полякова Татьяна Дмитриевна,**
*студентки первого курса,
направление подготовки: «Востоковедение и африканистика»
ВИ-ШРМИ ДВФУ*

Настоящее исследование посвящено культу смерти в китайском государстве. В данной работе были поставлены задачи источниковедческого анализа о зарождении культа смерти в Китае, эволюции отношений к смерти в сознании китайского народа, а также проявление этого культа в их мифах, праздниках и символах. Актуальность темы обусловлена высоким интересом к культуре китайского народа, где культ смерти отражается во многих аспектах жизнедеятельности китайцев.

Источниками исследования выступили научные работы В. Эберхарда, Л. С. Васильева, М. Е. Кравцовой, С. А. Токарева, которые находятся во владельческих книжных коллекциях доктора исторических наук, востоковеда Виталия Владимировича Совастеева, кандидата филологических наук Галины Александровны Отаиной и в фонде редких изданий Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета. За

основу была взята работа Л. С. Васильева «Культы, религии, традиции в Китае» из коллекции В. В. Совастеева.

На протяжении долгих веков вся сфера духовной культуры Китая формировалась под сильным влиянием религии. Культу смерти и культу мертвых всегда уделялась огромная роль. Как известно, Китай, будучи многонациональной страной, включает в себя различные религиозные направления. Религия Китая представляет собой некий синкретизм, своеобразный религиозный «сплав», состоящий из буддизма, даосизма, конфуцианства и традиционных верований, берущих начало в глубокой древности, во многом сохранившихся и по сей день.

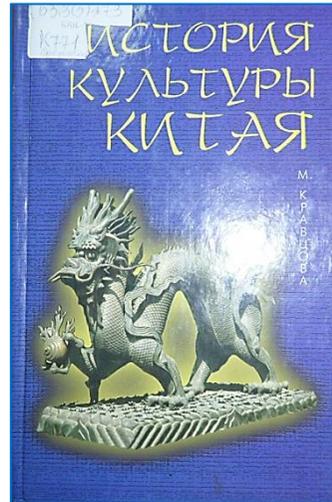
Известный китаевед Л. С. Васильев в своей работе «Культы, религии, традиции в Китае» отмечает, что представления о загробном мире сложились в синкретической религии китайцев в основном на базе древних верований. Однако этот религиозный пласт в ходе сложного процесса синтеза был обогащен за счет конфуцианских, буддийских и даосских концепций. В результате сложилась неоднозначная, многослойная и в ряде мест достаточно противоречивая картина [1, с. 417].

М. Е. Кравцова, одна из ведущих российских синологов, в своей книге «История культуры Китая», проанализировав материалы письменных источников, приходит к выводу, что представление китайцев о загробном мире были крайне неразработанными и в течение длительного времени оставались на

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

уровне, характерном для наиболее ранних религиозных форм развития. Древнейшими являются представления о Древе мертвых – Императорском древе, на ветвях которого обитали души усопших царей [2, с. 183-184].

Во времена древнего Китая весь мир духов был тесно связан с анимистическими религиозными воззрениями. Л. С. Васильевым подчеркивается, что, представляя духов различных сил природы, своих легендарных тотемных предков в зверином облике, китайцы того времени как бы устанавливали связи между силами неодушевленной природы, животным миром и душами своих покойных предков. Уже в яншаоских и луншаньских захоронениях археологи встретились с существованием развитого погребального обряда, отражавшего верования неолитических землевладельцев Китая в загробный мир. Например, в захоронениях клали оружие умершего, орудия производства, одежду, немного пищи и т. д. Согласно принятым тогда представлениям душа покойника продолжала жить и после смерти. Погребальный обряд у протокитайцев свидетельствовал о том, что у них существовала вера в возможность реинкарнации, т. е. воскрешения, возрождения. Тесно связанная с тотемистическими представлениями, эта идея была знакома многим древним народам [1, с. 42]. Таким образом, соблюдение ритуала погребения для китайцев является неотъемлемой частью их культуры, которая уже с древних времен наблюдается на разных артефактах. Как и все в этом мире, традиции погребальных ритуалов претерпевают изменения, однако суть остается той же, т. е. почитание и обожествление умерших.

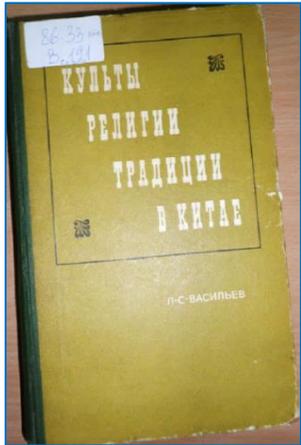

Дальнейшее развитие культ мертвых получил в эпоху Инь, когда на смену первобытному строю пришло общество, в котором социальное расслоение достигло уже значительных размеров. Л. С. Васильев отмечает, что в гробницах иньских правителей было найдено множество великолепных изделий из бронзы – утварь, оружие, украшения, боевые колесницы с лошадьми. Интересно также, что вместе с правителями там было погребено большое количество людей – жен, наложниц, возничих, приближенных, рабов. Все эти люди и вещи, служившие своему правителю при жизни, должны были и после смерти сопровождать хозяина в загробный мир [1, с. 44].

Мысли Васильева и Кравцовой по теме иньского периода во многом совпадают. Так, например, они оба согласны с тем, что загробный мир являл собой отражение живого, поэтому там также существовало социальное расслоение. Из-за этого далеко не все иньцы были удостоены таким пышным сопровождением. Могилы простых людей были снабжены лишь несколькими сосудами и орудиями, а также небольшим количеством пищи и других самых необходимых вещей. Но не только этим культ мертвых в обществе Инь отличался от культа мертвых в предшествовавшую ему эпоху неолита. Гораздо важнее другое отличие, логическое развитие которого со временем, в эпоху Чжоу, превратило культ мертвых предков в центральный пункт всей религиозно-этической системы Китая. В представлении иньцев их правитель-ван как старший в родоплеменном коллективе по смерти не только сохранял, но и увеличивал свое могущество. Становясь вместе со своими обожествленными предками в длинный ряд во главе с легендарным первопредком и верховным Шанди, покойный отныне приобретал власть над всем миром духов и мог оказывать заметное влияние на жизнь сородичей. Иначе говоря, почившие предки уже в Инь стали почитаться выше всего и практически заменили собой столь характерных для других развитых народов великих богов [1, с. 44]. Но такой чести были удостоены знатные люди, поскольку, как отмечает М. Е. Кравцова, практически все

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

источники умалчивают о посмертной судьбе простых людей [2, с. 184].

Л. С. Васильев
«Культы. Религии.
Традиции в Китае»

Л. С. Васильев, опираясь на исследования Ф. Уотербери, пришел к выводу, что представление о небе, как о месте пребывания душ почивших предков, возникло в эпоху Инь и было связано с культом предков, предполагавшим, что отправление душ предков в дальнейший путь подобен полету птицы. Иньцы, а затем и чжоусцы, перенявшие их культуру, изображали душу *хунь* именно в виде птицы [1, с. 46]. Таким образом, обителью мертвых в Древнем Китае считались и небо, и земля, хотя первичной и наиболее ранней исторически была именно земля.

Л. С. Васильев отмечает, что культ мертвых предков чжоусцев, заимствовавших иньские культурные и духовные ценности и распространивших их на территорию Северного Китая, продолжал играть столь же важную роль, как и в Инь. В эпоху Чжоу уже был разработан иерархический церемониал, строжайшим образом предписывающий объем и качество жертв, полагавшихся предкам каждого из правителей царств и княжеств и божественным предкам самого императора. Важной особенностью культа мертвых в Китае той эпохи был траур, усиленный в дальнейших периодах конфуцианским культом предков [1, с. 46]. Возросшее значение культа предков привело в эпоху Чжоу к созданию теории о существовании души, отделенное от брэнного тела, а также о тех функциях, которые на эту душу возложены. Так М. Е. Кравцова и Л. С. Васильев сходятся во мнении, что китайцы тех времен полагали: в человеке пребывают две души – материальная *по*, которая появляется в момент зачатия, и духовная *хунь*, возникающая лишь с рождением человека, как бы входящая в него с первым вздохом [2, с. 185]. Материальная душа

по со смертью человека уходит вместе с ним в землю, превращаясь в дух *гуй*. Именно этой душе, точнее духу *гуй*, необходимо для продолжения нормального существования все те предметы, которые кладутся в могилу. Духовная же душа *хунь*, покидая тело человека после его смерти, возносится на небо, превращаясь в дух *шэнь*. Как отмечалось ранее, загробный мир, будучи зеркальной копией живого мира, также имел четкое социальное расслоение. Считалось, что простые люди либо вообще не имели духа *шэнь*, либо роль его была крайне незначительной [1, с. 46]. Этим опять же подчеркивается четкое социальное разделение, которое заключалось в том, что только высший класс общества мог вознестись в качестве небожителя.

М. Е. Кравцова, анализируя письменные источники предханьского и ханьского времени, обнаруживает мифологему загробного царства, называемого *Желтый источник* или *Земля Хаоли*, – легендарного царства, находившегося где-то «на краю света», под землей или под горой *Тайшань*. В это царство попадали все жители Поднебесной независимо от их социального статуса и прижизненных деяний. Имелись также намеки на веру в существование властителя загробного царства – *Владыки духов*, но без объяснения его облика, атрибутов и конкретных функций [2, с. 184]. Эти выводы несколько противоречат иньским представлениям о загробном мире, так как предполагают всех людей равными перед смертью.

В более развитом виде поступают представления царства Чу: упоминания о многоярусном подземном царстве и о его столице – *Граде мертвых (Сюаньду)*. В «Чуских строфах» есть фрагмент, где кратко говорится о подземном чудовище-девятиколычатом змее *Ту-бо*, который, возможно, мыслился повелителем царства мертвых или всего подземного мира [2, с. 185].

В середине первого тысячелетия до нашей эры конфуцианство сложилось и четко оформилось как учение. В своей книге «Культы, религии, традиции в Китае» доктор исторических наук Л. С. Васильев пишет, что философия

Конфуция, основанная на древних традициях, привычных и близких китайцам того времени, значительно усилила значение культа предков – как живых, так и мертвых. Конфуций и его последователи увидели в нем одну из главных возможностей практического осуществления того социального порядка и идеала, которые составляли основную суть их учения. Но чтобы законы культа предков стали универсальными, необходимо было господствовавшие до того по преимуществу в знатных семьях и кланах традиции сделать нормой для всего населения страны [1, с. 95]. Известный советский ученый, доктор исторических наук С. А. Токарев в своей книге «Религия в истории народов мира» также отмечает, что духи предков были центральным объектом конфуцианского культа [3, с. 255]. И Л. С. Васильев, и С. А. Токарев в своих исследованиях акцентировали внимание на важнейшей роли почивших предков в конфуцианской религии, однако, эта роль была скорее формальна, т. е. каждый ритуал совершался скорее ради самого ритуала, нежели ради умиротворения предков.

В книге «Китайские праздники» американский историк, этнограф и фольклорист В. Эберхард обратил внимание на то, что под влиянием буддизма китайцы стали воспринимать смерть как естественное продолжение «жизни души», они посвящали отдельные праздники, церемонии поминания усопших. В своем исследовании В. Эберхард пишет об особых китайских празднествах, которые составляют серию трех «праздников мертвых». И в народном поверье эти три события связаны с буддизмом. Действительно, буддизм, по крайней мере, в народном представлении, существует для объяснения факта смерти, для избавления от страха смерти. Именно поэтому буддисты нередко подвергались нападкам со стороны приверженцами конфуцианства. В доказательство он приводит строки одного из великих писателей 18 века Юань Мэя, адресованных своему другу, в них Юань Мэй выражает недовольство концепцией буддизма об отрицании смерти [4, с. 103].

У всех трех «праздников мертвых» буддийский фасад, и в наше время все они посвящены культу мертвых. Так, в традиционный день поминовения усопших *Цинмин* («праздник чистого света») каждая семья посещает могилу своих предков и приводит ее в порядок, чтобы могила снова выглядела чисто. Что примечательно, в Китае нет общих кладбищ и каждая семья хоронит своих покойников на собственном кладбище, часто в середине поля или на склоне холма. В день праздника *Цинмин* вся семья по традиции собирается вместе. Отсутствующие стараются приехать домой, но, если это невозможно, они, где бы не находились в это время, готовят небольшое жертвоприношение, чтобы до их предков дошел «дух» сжигаемого ими подношения. Это жертвоприношение должно быть совершено до захода солнца или рано утром, когда духи покойников находятся дома – в своих могилах [4, с. 105]. Таким образом, можно сказать, наличие этих праздников является подтверждением того, насколько значим культ мертвых в Китае. Почитание предков играет значительную роль, ведь несмотря на перенаселенность, большие экономические затраты на содержание семейного кладбища, люди все равно не отказываются от продолжения этих традиций.

В. Эберхард также отмечает, что в Китае есть праздник «пяти ядовитых животных». Все празднование таит в себе идею любви и смерти, надежду на жизнь и ожидание смерти. Есть существа, которых больше всего боятся китайцы – эти пять тварей представлены змеей, сороконожкой, скорпионом, ящерицей и жабой [4, с. 84]. Л.С. Васильев в своем исследовании отмечал, что иногда в этот список включался и паук [1, с. 413]. В Северном Китае часто можно видеть народные эстампы с изображением этих животных и большого петуха, который убивает их. Все пять животных являются нежелательными гостями, которые никому не нравятся. В. Эберхард в книге «Китайские праздники» приводит их характеристику. Змея-дух, который может принять вид человека и заставить девушку выйти за себя замуж или под маской

красивой девушки совратить мужчину. Сороконожка – герой многих сказок – иногда вползает в притон и убивает ночью всех его посетителей. Жаба – тварь луны и ночи – пользуется невидимыми стрелами, внезапно поражая человека – он умирает от малярии. Скорпион и ящерица опасны сходными ужасными свойствами, хотя китайский фольклор несколько умалчивает о ящерице. Из этого можно сделать вывод, что змея, сороконожка, скорпион, ящерица, жаба являются самыми опасными животными Китая и несут в себе знак смерти. С древних времен и по сей день китайцы опасаются их и стараются избегать встреч с ними. Более того, символика данных животных связаны с анимистическими верованиями древности [4, с. 84]. Л. С. Васильев на основе своих исследований отмечает, для того, чтобы избежать связанного с «пятью гадами» зла, китайцы разработали особый ритуал. Изображения этих животных на специально выпеченных печенках, специально приготовленных для «праздника дракона» 5 числа 5 месяца по лунному календарю [1, с. 413]. И В. Эберхард, и Л. С. Васильев оба приходят к единому выводу о том, что восприятие китайцами злых духов и демонов во многом схожи с их отношением к остальным божествам и духам. Даже для пяти ядовитых животных были разработаны свои особенные ритуалы.

Даосизм как философское течение возник в Китае примерно в одно и то же время с конфуцианством, т. е. в середине первого тысячелетия, и вначале носил сравнительно отвлеченный характер, не связанный с религиозными верованиями и традициями. Горячая проповедь идей долголетия и бессмертия не только снискала даосским магам и проповедникам большую популярность в народе и позволила им заложить фундамент новой религии, но и предоставила даосам возможность завоевать положение в обществе и добиться благосклонности императоров. Развивая эту идею в своей книге, Л. С. Васильев пришел к выводу, что учение о бессмертии и доктрина продления жизни послужили платформой, на основе которой первые даосские проповедники стали разрабатывать догматы новой религии. Не случайно некоторые из

тех ученых, кто склонен резко разграничивать философский и религиозный даосизм, называют последний «сянь-даосизмом» [1, с. 220]. Примечательно, что, несмотря на веру в то, что смерть физическая, не есть духовная, китайцы быстро поддались влиянию даосизма. Даосскими магами были разработаны специальные практики, выполнение которых позволяло достичь бессмертия еще при жизни, что не могло не заинтересовать китайцев. Поскольку это было невозможно для бедняков, такого рода занятия могли позволить себе только люди обеспеченные. На основании этого можно сделать вывод о том, что даосизм еще больше углубил социальное неравенство.

Л. С. Васильев приводит пример, в котором повествует о даосском маге Сюй Ши, доложившем императору Цинь Ши-хуанди, что где-то в океане есть три священных острова, населенных небожителями, и что именно там можно найти эликсир, дарующий бессмертие. Император приказал немедленно снарядить экспедицию. Несколько тысяч юношей и девушек во главе с Сюй Ши были отправлены на поиски островов. Немногие из них вернулись обратно, так ничего и не добившись. Опасаясь гнева императора, Сюй Ши придумал замысловатое оправдание. Он утверждал, что нашел острова, но не мог высадиться на них из-за обилия акул, которые мешали подъехать. Кроме Сюй Ши император отправлял на поиски эликсира трав бессмертия в океан, в горы и в другие местности еще ряд магов. Все они возвращались ни с чем. Однако император продолжал верить в бессмертие. Он сурово наказывал, даже казнил неудачников, но снова и снова заставлял других продолжать начатое дело. Все было безрезультативным. Цинь Ши-хуанди умер, но идея достижения вечной жизни продолжала манить к себе власть имущих [1, с. 241]. Этот пример наглядно иллюстрирует, насколько глубокой была вера в бессмертие и как сильно люди стремились его достичь. Перед смертью все равны, будь то вельможа, или крестьянин, ведь даже самому могущественному человеку в стране – самому императору – не удалось достичь бессмертия.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

Особенности синкретической религиозной системы, такие как, например, недифференцированность мира сверхъестественных сил, становятся более явственными при рассмотрении вопросов, связанных с представлениями о загробном мире, подземном царстве, аде. В этом мире потусторонние силы ни в коем случае не выступали в качестве антагонистов силам небесным. Исходя из этого, китайский ад, многие черты которого были заимствованы из индо-буддийского, при внешних сходствах с адом христианским, по существу, сильно отличался от него. В представлении китайцев ад был не столько вечным наказанием за грехи для провинившихся, сколько чем-то вроде чистилища. Попав туда и проведя столько времени, сколько заслуживал, каждый человек рано или поздно покидал его, дабы возродиться к новой жизни, иногда даже на небесах (что вполне соответствует буддийской концепции перерождения) [1, с. 417]. Так как после слияния всех религий в китайской культуре, кроме традиционных двух душ – *хунь* и *по*, появилась еще и третья (безымянная душа), которая проходила все трансформации, связанные с раем и адом. Китайский загробный мир, несмотря на сходство с христианским, разительным образом от него отличался, так как представления о нем сложились под влиянием буддизма.

Таким образом, китайское мировоззрение об организации загробного мира, о функциях и значениях божеств подземного царства никогда не были едиными и стройными. Во многом они менялись, особенно в зависимости от местных обычаев. Традиционно в китайской религии и философии сплетены конфуцианство, даосизм и буддизм, оказывая огромное влияние на формирование культа мертвых в сознании китайского народа. Однако в основных принципах концепция загробного мира была общей для всей страны. Повсюду о покойниках и их будущем всегда тщательно заботились, дабы все три души были удобно устроены там, где им надлежало быть. Культ предков доминировал в религиозно-культурной системе страны на

протяжении всего времени ее существования. Он же оказывал ключевое влияние на отношение к смерти.

Книги из фонда редких изданий Научной библиотеки и владельческих книжных коллекций, представленные в данной источниковедческой работе, могут быть интересны другим исследователям, занимающимся изучением истории культуры Китая и культом смерти как значительной части этой уникальной цивилизации.

Экслибрис частной библиотеки
В. В. Совастеева

Список литературы

1. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – М. : Наука, 1970. – 483 с.
2. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. ; М. : Краснодар : Лань, 2003. – 415 с.
3. Токарев, С. А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. – М. : Издательство политической литературы, 1976. – 574 с.
4. Эберхард, В. Китайские праздники / В. Эберхард. – М. : Наука, 1977. – 127 с.